

В приказе Реввоенсовета СССР после окончания борьбы на Северном фронте 6-я северная армия была названа героической. И действительно, борьба Красной Армии на Северном фронте в 1918—1920 гг. являет собою исключительную страницу в истории Красной Армии, богатую примерами и героической борьбы, и энтузиазма, и упорной настойчивости, которые были продиктованы стремлением победить во что бы то ни стало.

УСЛОВИЯ БОРЬБЫ НА СЕВЕРЕ

В примерах войн, вообще говоря, не было таких, которые велись бы на 63-м градусе северной широты. В крае, занимающем по ширине более тысячи километров, прорезанном только двумя железными дорогами и несколькими удобными для движения исключительно летом реками, сплошь покрытом лесами и болотами, в крае чрезвычайно редко населенном, где деревня от деревни отстоит на 20—30 км, с суровой зимой и морозами, доходящими нередко до 40° по Реомюру,— рабочим и крестьянам пришлось вести войну, причем войну организованную, с прекрасно снаряженным и хорошо вооруженным врагом.

6-я красная армия вела борьбу в чрезвычайно тяжелых условиях. Она редко получала пополнения из центра и все должна была находить у себя на месте. С первых же дней своей борьбы ей пришлось столкнуться с английскими, американскими, французскими, польскими войсками и хорошо слаженными белогвардейскими формированиями. Войска врагов получали прекрасное обмундирование, очень хорошо кормились, в то время как частям Красной Армии на первых порах, до взятия Шенкурска, где были захвачены крупные запасы продовольствия, приходилось питаться «мясо-рыбой» и хлебным пайком в полтора фунта, наполовину с овсом.

Но именно то обстоятельство, что основой войск 6-й армии были отряды петроградских рабочих и что пришлось вести борьбу сразу же с хорошо организованным европейским врагом, заставило красноармейцев очень быстро подтянуться, дисциплинироваться, вытравить в себе партизанские навыки и замашки и стать крепкими, способными к большим переходам в любую погоду, в любое время года частями. Постоянные стычки с противником привели к тому, что месяца через три после начала борьбы наши части стали способны к гибкому и победоносному маневру, научились делать переходы

скрытно и скоро сбили спесь у противника, который стал значительно осторожнее, пытаясь поразить нас своим техническим превосходством.

Невольно приходят на память слова английского писателя Джерома Джерома, который в 1920 г. писал: «Большевики без паровозов, без вагонов швыряют свои армии каким-то немислимым способом с юга на север, с востока на запад и, когда нужно, ухитряются на любом фронте подавить неприятеля своей численностью. Большевики, лишённые технических средств, обороняют свои границы лучше, чем немцы, к услугам которых была чудовищно развитая техника».

Эти слова больше всего подходят к борьбе на Северном фронте, где все переброски и сосредоточение войск приходилось делать по грунтовым дорогам, причем от войск требовалась такая точность, чтобы несколько отрядов, выйдя из разных, отстоящих на 300—400 км друг от друга мест в разное время и не имея между собой связи по фронту, пришли к определенному сроку в определенное место.

Это сильно поражало англичан и американцев, и не раз те или иные наши победы вызывали запросы в лондонском и вашингтонском парламентах.

Джером далее писал: «Надо сказать правду: мы своей идиотской политикой закалили русский народ, он никогда не был упрямым. Мы привили ему это драгоценное свойство, которого до сих пор не хватало славянской натуре, — настойчивость, железную выдержку, умение стоять до конца, стиснув зубы...»

Действительно, враг, напавший на нас, заставил всех встрепенуться и напрячь все силы, чтобы изгнать его вон. Но все-таки разгадка всех тех событий периода гражданской войны, которые поразили как белогвардейских, так и иностранных генералов, которые удивили весь мир, заключается в том, что во главе всех действий стоял рабочий класс и его авангард — ленинская Коммунистическая партия.

Особенно это заметно на Севере, где кадром всех будущих формирований послужили петроградские рабочие, где во главе армий с первых дней встали посланные Петроградом работники его Совета, сумевшие быстро сработаться, дать возможность работать военным специалистам и сами учившиеся у них военному делу.

Петроградские рабочие Наумов, Орехов, Миничев, Богданов, Алешин и ряд других вместе с такими военными специалистами, как Петин, Самойло, Лисовский, смогли быстро организовать штаб, наладить в нем четкую работу, внушить доверие к нему и затем быстро спаять войска и направить

все их внимание на выработку маневренности, выносливости и решимости во что бы то ни стало победить врага.

Борьба на Севере началась осенью 1918 г. Англичане и американцы, после белогвардейских переворотов в Архангельске и Мурманске, «по призыву» населения, от имени которого с ними говорили народный социалист Чайковский, кадетские деятели, изменивший Советской власти генерал Мурузи и капитан 2 ранга Чаплин, высадили свои войска в Архангельске и Мурманске и распространились на юг по течению рек Северной Двины, ее притоку Ваге, по Онеге и вдоль железных дорог Мурманск — Петрозаводск и Архангельск — Вологда.

Наши небольшие, набранные из местного населения части не оказали сильного сопротивления и дали возможность противнику захватить такие важные пункты, как станция Обозерская, устье реки Ваги на Двине, село Труфаногорское на реке Пинеге и Медвежья гора на железной дороге Мурманск — Петрозаводск.

Основной целью наших противников было, двигаясь тремя колоннами, одной — от Мурманска и двумя — от Архангельска (первой на Вологду по железной дороге и второй — на Котлас по Северной Двине, а оттуда по железной дороге на Вятку), угрожать Петрограду и Москве и, кроме того, тылу 3-й армии, которая вела борьбу с Колчаком в районе Перми. Душой и вдохновителями всей борьбы были англичане. Распоряжался всем сначала генерал Пуль, а затем генерал-майор Айронсайд. В докладе английскому парламенту в 1920 г., в ст. 7-й, признаются громадные усилия, сделанные англичанами на Севере России, где английские силы со 150 моряками в апреле 1918 г. к моменту эвакуации возросли до 13 400 человек. В статье 19-й того же доклада говорится, что в Мурманске к 31 декабря 1918 г. было: англичан — 6850, французов — 731, итальянцев — 1251, сербов — 1220, белогвардейцев — 4441, а в Архангельске: англичан — 6200, французов — 1600, американцев — 5200 и белогвардейцев — около 3 тысяч.

Помимо хорошего обмундирования и прекрасных условий питания, эти войска имели по сравнению с нами блестящую технику, большое количество оружия, аэропланов и даже 3 танка, а для рек имелись канонерки. Мы же могли к этому периоду противопоставить 19-ю дивизию на мурманском направлении, численностью около 6 тыс. бойцов, и на всех направлениях к Архангельску — не более 9 тыс. бойцов. В смысле техники мы были слабы, и пришлось противопоставить сметку и сообразительность рабочих и крестьян, которые научились из различных небольших речных пароходов делать довольно мощные боевые суда. В отношении аэропланов дело

у нас обстояло очень плохо: имелось не больше 6—7 аппаратов, причем они были похожи скорее на то, что у нас впоследствии называлось «гробами».

Англичане прислали 2-й батальон 10-го Шотландского полка, 250-ю английскую пулеметную команду со школой, 17-й батальон Ливерпульского полка, Йоркский полк, Дургамский полк, канадскую артиллерию. Американцы прислали: 339-й американский пехотный полк, 310-ю роту инженеров и пулеметную команду. От французов был: 21-й маршевый батальон 1-го французского колониального полка. Отрядом чехословаков, который находился на реке Печоре, в селе Щугор, командовал князь Вяземский. Отряд этот принадлежал к колчаковской армии и, с одной стороны, обеспечивал ее от наших обходов, а с другой — поддерживал связь с Архангельском. В Архангельске был сформирован польский легион, командиром которого был французский капитан Жан-тиль. Итальянцы были представлены частями 67-го итальянского полка. Сербы, составлявшие отряд, были частями сербского корпуса, прибывшего из Одессы в Мурманск и Архангельск.

Английские и американские войска были сразу же выдвинуты на передовые позиции, а под их прикрытием стали организовываться 1-й Архангельский городской полк, 8-й народный полк, 3-й Мурманский стрелковый, 1-й отдельный Шенкурский батальон, 2-й отдельный Холмогорский батальон, 3-й отдельный Онежский, славяно-британский легион, русско-французский легион, несколько партизанских отрядов, Печорский отряд, мезенский гарнизон, кавалерийский полк.

Против этих сил, помимо местных отрядов, сформированных тов. Кедровым, были брошены из Петрограда составленные сплошь из питерских рабочих два «железных» батальона, рота Рождественского района, 3-й Петроградский полк, полк первого городского района и два отряда моряков, Юрьевский полк, Гатчинский батальон, Нарвский батальон, 7-й инженерный отряд. Кроме того, прибыл Рязанский батальон, во главе которого стоял рязанский рабочий тов. Куприянов.

Наши части на первых порах действовали смело и энергично: то тут, то там наносили удары противнику, но не особенно считались с руководством из центра. Вследствие этого успехи очень часто сводились на нет. В большинстве случаев даже маленькие операции первого периода все же задумывались, благодаря условиям местности, в довольно большом масштабе, почему требовали согласованных действий нескольких отрядов. Победные действия одного из отрядов, которые

должны были служить началом для всей операции, этим отрядом сразу же прерывались после первых успехов; отряд уходил на отдых, тем самым сводя на нет и свой успех, и всю операцию. Особенно отличались в этом отношении моряки. Как только организован был штаб 6-й армии, во главе которого был поставлен тов. Самойло, и Реввоенсовет, в котором председателем был тов. Гиттис, а членами Орехов и Кузьмин, решено было твердо взять в руки части, выбить партизанщину и начать вести согласованные операции на широком фронте. До этого у нас были командующий всеми вооруженными силами Архангельского района, командующий Котласским районом, командующий Вятским районом, командующий северо-западным участком Северного фронта и должен был появиться еще командующий северо-восточным участком Северного фронта.

Для того чтобы начать успешно действовать на боевом фронте, надо было, помимо устранения этой организационной неразберихи, еще укрепить тыл. Трудность заключалась в том, что незадолго до организации в Вологде армии со штабом оттуда выехали за два месяца до этого посольства союзников, которые сумели оставить достаточное количество шпионов, имевших связь с местными эсерами, в те времена укрепившими свое влияние на рабочих Вологодских мастерских. По плану Нуланса, разработанному Савинковым, линия железной дороги от Череповца до Галича насыщалась белогвардейскими офицерами, долженствующими поднять восстание под командой полковника Куриченко, с тем чтобы захватить штаб 6-й армии. Эта организация забрасывала удочку и в некоторые части армии, как, например, в 3-й Петроградский полк, большинство командного состава которого находилось в связи с белогвардейцами.

Пришлось все эти организации ликвидировать, произвести чистку в войсках и переломить настроение среди местного населения, не расположенного к большевикам. Во время борьбы с белогвардейцами и уничтожения всех тех пунктов, которые служили базами для переправки морских и сухопутных офицеров к англичанам в Архангельск, удалось раскрыть целый ряд организаций, базы которых находились в Петрограде и Москве и питались из английских источников.

Рядом суровых мер по отношению к пьяницам и злоупотреблявшим властью удалось показать, что партия и организуемая ею армия не потерпят в своих рядах никого, кто вольно или невольно грязнит наше знамя и забывает великие идеи, во имя которых велась борьба пролетариатом. Когда всем стало ясно, что руководящий состав армии и местных организаций твердо и решительно взял курс на укрепление

всего аппарата, что он жестоко и сурово подавляет контрреволюцию и не позволяет никому, как бы высоко он ни был поставлен, колебать дисциплину и твердый порядок, установленный революцией,— можно было приняться за уничтожение партизанщины и укрепить части. После всех этих мероприятий стало возможно спокойно и уверенно приступить к боевым действиям.

Приблизительно к сентябрю 1918 г. фронт проходил через северную часть Онежского озера, город Повенец, Кожозерский монастырь на озере Кожозеро, село Прилуцкое на реке Онеге, 441-й километр на железной дороге Архангельск — Вологда, с. Кадыш на р. Емца, притоке Северной Двины, дер. Березник и Усть-Паденская на р. Ваге, с. Троицкое на Северной Двине, с. Труфаногорское на р. Пинеге и далее по старинному Великому Северному пути на Березов, через Усть-Щугор на реке Печоре. Линия фронта занимала более тысячи километров. Но фронт, конечно, не был сплошным. Борьба велась по железным и грунтовым дорогам и по рекам. Между боевыми участками были промежутки по 40—70 и более километров, ничем не заполненные, так как это были или непроходимые лесные чащи, или такие же болотистые пространства, по которым и на которых ни мы, ни противник не располагались, посылая туда только небольшие разведывательные партии.

6-й армией был выброшен небольшой отряд под командой т. Мандельбаума, который должен был вести борьбу в районе Печоры и двигаться по направлению к Березову, чтобы отрезать архангельскому правительству всякую возможность сношения с Колчаком. Этот отряд отличался большой подвижностью и чувствительностью. Предоставленный самому себе,— ибо он находился в тысячах километров от конечного пункта железной дороги Вятка — Котлас,— он довольно успешно действовал против местных кулаков и белогвардейцев, но при первом столкновении с отрядом князя Вяземского понес поражение, отскочил от него чуть ли не на 300 километров и стал обижать местное население. Отряд пришлось расформировать, начальника его отозвать и отправить в Москву, а туда послать более надежную и крепкую часть, которая должна была закрыть движение противнику вверх по Печоре.

На правом фланге фронта 6-й армии боевые действия обычно велись только зимой и летом, потому что весной и осенью вся местность между Вычегдой и истоками рек Пинегы, Мезени, Вакши, Печоры обращалась в сплошное непроходимое болото. Борьба велась отрядами, которые направлялись туда в начале лета и зимы, а в конце этих перио-

дов отводились обратно в район Северной Двины и в район Усть-Сысольска.

Боевые действия велись главным образом по Северной Двине, в районе Шенкурска и в районе железных дорог от Архангельска и Мурманска.

После того как англичане в августе с большими потерями и после больших напряженных боев заняли станцию Обозерскую, мы закрепились в районе Чекуево на реке Онеге, на 441-м километре, в районе Кадыш, по дороге с. Емецкое — ст. Плесецкая и в районе Тарасовское. После нескольких атак англичане, понеся большие потери и убедившись, что здесь с нами ничего не сделаешь, фронта не прорвать, сами начали укреплять свои позиции, а главный удар решили наносить вверх по Северной Двине, чтобы прорваться к Котласу и тем самым помочь Колчаку, захватившему Екатеринбург и сосредоточившему силы для атаки 3-й армии в районе Перми с целью ее захвата. Закрепившись на железной дороге и реке Ваге, на полдороге между Шенкурском и Бельском, командование 6-й армии главное внимание обратило на Северодвинский участок.

Англичане и американцы проявили большую активность. Они пустили канонерки по реке, по левому берегу действовал батальон 339-го американского пехотного полка, а по правому — 2-й батальон 10-го Шотландского полка с большим количеством артиллерии и самолетами. К этим основным частям были приданы, как вспомогательные, белогвардейские формирования, которые англичане первое время боялись пускать на передовую линию. Первые шаги англичан увенчались успехом. Они отбросили наши части и продвинулись от устья Ваги до с. Троицкого. В предвидении этого удара в Котласе нами стали организовываться средства для борьбы. Из Кронштадта были привезены 120-миллиметровые пушки, чтобы организовать плавучие батареи. Моряки, которые привезли эти орудия, обратились к местным инженерам с просьбой оказать содействие и помощь в смысле установки их на каких-нибудь пароходах.

Никто не хотел помочь, и смеялись над нами, указывая, что это невозможно сделать. Но выход был найден: матросы откопали где-то две железные баржи, так как ясно было, что ни на один из пароходов эти орудия поставить нельзя. Достали бревен, обтесали их, как балки, и из этих бревен сделали настил на дне барж, затем поставили столбы и устроили потолок, на котором лежала железная палуба, а на палубе сделали такой же настил, и, таким образом, в носовой и кормовой частях были поставлены 120-мм морские орудия. Таким образом, мы получили две плавучие батареи, до-

вольно мощные; каждой из них было придано по буксиру, при помощи которого они двигались по течению до 7 км в час и против течения — по 3 км.

Эти батареи, под руководством матроса-артиллериста т. Степанова, были доставлены в район боевых действий и в момент успешного движения англичан своим метким огнем внесли панику и помогли задержать наступление противника. Кроме того, на некоторых больших пароходах было поставлено по одному 75-мм орудью, а на буксирах были поставлены трехдюймовки. С такой «эскадрой» наши отступающие части, подкрепленные к тому же вновь прибывшим Железным батальоном, под командой унтер-офицера Волкова, и ротой Рождественского района, под командой булочника т. Фукса, закрепились, а затем перешли в наступление.

Душа и вдохновитель бойцов на Северной Двине, народный учитель Павлин Виноградов, в одном из боев был убит. Помогавший ему второй комиссар Беломорского округа тов. Макаров растерялся и был отозван нами, и на место организатора с началом обороны, а затем наступления был поставлен прославившийся впоследствии на Южном фронте тов. Уборевич, тогда бывший командиром батареи. Было решено все части, а именно: Вологодский полк, матросский экспедиционный отряд, Железный батальон, роты Рождественского района, Коммунистический батальон, составленный из зырян (почти не говоривших по-русски), и вооруженные речные суда, на которых действовали беломорские моряки, — назвать бригадой, командиром бригады назначить тов. Уборевича.

Обстановка была довольно трудная. Моряки после успешных действий были обескуражены отступлением и драться не хотели. Привыкшие к чистой палубе корабля, они отвратительно чувствовали себя, когда им приходилось бороться на суше, иногда по колена в грязи и на плохом пайке. Настроение всем портило то, что нигде не было курева, и в течение последней недели в некоторых частях курили коровий помет. В частях не было белья, трудно было наладить баню. Армейское снабжение, вовремя предупрежденное, прислало махорки, подбросило белья, и, таким образом, эти первые помехи были устранены.

Гораздо сложнее и труднее была обстановка в отношении командного состава. Офицерский состав, который довольно хорошо дрался на границах Финляндии, так как там были немцы, который еще более или менее уверенно шел в бой против черносотенных генералов, — на Северном фронте терял всякую уверенность, колебался и легко переходил к неприятелю. Офицерскому составу было трудно понять, как это он может идти в бой против союзников, с которыми, как

говорится, бок о бок дрался против немцев и которые сильно «помогали» нам по части орудий. И офицеры военного времени, и кадровые офицеры в начале борьбы еще не могли понять всей подлости союзников и не уяснили себе того, что те не помогать пришли нам против немцев, а начали самую гнусную интервенцию. Поэтому колебания были часты. Кроме того, среди беломорских моряков не было ни одного офицера, так как последние остались в Архангельске с англичанами. Штаб Беломорского округа тоже раздвоился, и одна часть его, во главе с Мурузи, осталась с англичанами, другая, в лице тт. Самойло, Лисовского, Петина, Огородникова, Шешковского, Яцко и других, работала с нами. Как офицеры генерального штаба, они работали в штабах больших соединений, и при их помощи, главным образом, удалось построить хорошо слаженные армейские и дивизионные аппараты. Их кропотливая и незаметная работа на пользу революции не была видна для широких армейских масс. Наоборот, те, кто убегал к противнику, были на виду, их поступок был известен, и потому среди красноармейской и матросской массы вспыхнуло недоверие к командному составу из бывших офицеров.

Это настроение еще усилилось, после того как из трех аэропланов, имевшихся в нашем распоряжении на этом участке, мы потеряли два. Один пропал без вести вместе с летчиками, другой на глазах красноармейцев, посланный в разведку, перелетел линию фронта и спустился в расположении противника. Вспыхнувшее недоверие вылилось в форму мести оставшимся: несколько командиров во время боя были убиты своими же.

Поэтому было решено командный состав из бывших офицеров, за редким исключением, снять и отправить в тыл, в район Великого Устюга, где формировался полк. Им было объяснено, что, оставаясь на фронте, они подвергаются опасности быть пристреленными, что представители Советской власти им доверяют и направляют их в Великий Устюг с тем, чтобы там они хорошо подготовили полк и в дальнейшем вместе с ним дрались в боях. На места командиров в боевой линии были поставлены бывшие унтер-офицеры и отличившиеся красноармейцы.

Члены Реввоенсовета тов. Уборевич и тов. Землячка (которая руководила там партийной организацией) объехали все части и, не устраивая собраний, а обходя по избам, в беседах с небольшими группами разъяснили общую обстановку, указали на задачу, которая стоит перед частями, расположенными на Северной Двине, и подготавливали, таким образом, наступление.

На первых шагах наступление развернулось не вполне удачно. Первая атака Железного батальона против Шотландского батальона вначале увенчалась успехом, но так как наши, упоенные победой, полезли в деревню кучей, не послав предварительно разведки, то попали под жестокий пулеметный обстрел, смешались и убежали, бросив пулемет. Только командир батальона тов. Волков и несколько красноармейцев не растерялись: подняли брошенный пулемет и, отстреливаясь, прикрыли отступление и спасли пулеметы, протащив их через болото.

На следующий день батальонам приказано было вновь наступать. В этом наступлении участвовал один из членов Реввоенсовета, который шел с передовыми цепями. Батальон загладил свою предыдущую небрежность. После жестокого боя он занял деревню Борецкую и затем еще пять — шесть деревень, уничтожив полностью английскую роту, шедшую на подкрепление и попавшую под пулеметный обстрел. Затем наступление на время захлебнулось перед дер. Городецкой, хорошо укрепленной и находившейся на высоте. На правом берегу намечено было наступление по фронту с обходом фланга. Но и тут произошла маленькая заминка, ибо обходящие роты потеряли связь, а небольшая группа под командой Хаджи-Мурата *, командира кавалерийской части,

* Личность Хаджи-Мурата очень интересна. Уроженец Кавказа, он был в Клондайке, работая золотоискателем. В империалистическую войну он вернулся в Россию и вступил в войска рядовым кавалеристом, дослужившись до урядника. В 1917 г. в составе войск генерала Крымова он наступал на Петроград и под влиянием агитаторов, посланных Гатчинским Советом, увел целый эскадрон. Первое время находился в районе Гатчины, затем его пришлось направить в Кронштадт, когда в сентябре Керенский и его ищейки пытались арестовать Хаджи-Мурата и его всадников.

После Октября он со своим отрядом в 30 всадников остался в Петрограде и работал в Московско-Заставском районе. Когда Реввоенсовет армии попросил у окружного военного комиссара тов. Позерна какую-нибудь кавалерийскую часть, то прибыл отряд Хаджи-Мурата в составе 20 сабель. Он много и успешно боролся с кавалеристами белых, которые тоже были из «дикой» дивизии.

Держать в узде Хаджи-Мурата было очень трудно, так как он был очень необузданным человеком. За работу в период нашего наступления на Двине в сентябре 1918 г. и в феврале 1919 г. под Шенкурском он был награжден орденом Красного Знамени. Блестяще работал он при наступлении на Архангельск в 1920 г., когда, будучи командиром эскадрона 54-й дивизии, он вел бой в кониом и пешем строю около Средь-Махреньги и после первых атак отрезал доступ к Средь-Махреньге со стороны как Тарасовского, так и Северной Двины.

Как приходилось держать его в руках, рисует одно телеграфное распоряжение, посланное ему членом Реввоенсовета г. Архангельска. Хаджи-Мурат шел с эскадронам впереди 150-й бригады на Пинегу и, считая себя подчиненным начдиву, стал пререкаться с комбригом 150-й. Утихомирить его было трудно, а наказывать сурово не хотел начдив. Тогда член Реввоенсовета послал ему телеграмму: «Архангельск, 29/II—1920 г. Я знаю

вышла вовремя в тыл противника, но, не получая никаких сведений от основного отряда, не перешла в наступление.

Противник же, чувствуя, что хотя ожесточенные атаки и отбиты, но готовится что-то грозное, воспользовавшись темнотой, ушел. Таким образом, наши продвинулись наутро и по левому берегу, остановившись перед укреплениями с. Троицкого. Моряки, после того как произошла заминка в дальнейшем наступлении, были влиты в наступающие части. Затем было решено наступление вести следующим образом: всю ночь не давать покоя противнику, стреляя в него из орудий, которые находились на пароходах. Пароходам, на которых стояли орудия, было приказано в течение получаса каждому двигаться по реке, выпуская по одному снаряду через каждые десять минут по деревням, в которых расположен противник. Так действовать с 23 до 2 часов. В 2 часа всем пароходам и плавучим батареям открыть огонь одновременно и сразу, как бы перед ночной атакой. Так действовать в течение часа. Войскам же начать наступление в 5 часов утра. Противник не выдержал и к утру покинул все позиции. Таким образом, в пять дней боя англичане и американцы были отброшены на 50 км, и наши войска захватили 10 орудий, миллион патронов, тысячу снарядов, огромные запасы продовольствия и теплых вещей. Были захвачены походные американские мастерские. Через несколько времени Железный батальон показал, что он вполне выровнялся и стал хорошей боевой частью. После взятия Городецкой он закрепился на позициях впереди ее, и к нему прибыли пополнения. Стоявший во главе пополнения бывший офицер очень скоро связался с англичанами и указал им путь, как нужно наступать на тыл батальона.

Командир батальона расположил свою часть очень толково. Сами красноармейцы после первых боевых неудач стали гораздо бдительнее и осторожнее. Имея роту на передовых позициях, вторую на отдыхе, третью роту командир держал как резерв в 2—3 км к югу от Городецкого. Противник решил наступать. Демонстрируя незначительными частями на фронте, он довольно значительным отрядом вышел несколько южнее Городецкой. Командир батальона не растерялся и приказал роте, стоявшей на отдыхе, подкрепить роту, стоявшую на передовых позициях, и вместе с ней перейти

Хаджи-Мурата. Хаджи-Мурат знает меня. Хаджи-Мурат забыл дисциплину и порядок. Он осмеливается не исполнять приказаний комбрига. Победа вскружила голову Хаджи-Мурату. Прекратить всякие разговоры. Исполнять беспрекословно все, что приказывают. Никаких возражений, не то люди забудут, что был Хаджи-Мурат». Это повлияло лучше всяких наказаний, и он стал шелковым. За Архангельскую операцию Хаджи-Мурат был представлен ко второму ордену Красного Знамени.

в наступление, а роте, стоявшей в резерве, ударить во фланг и в тыл обходящих английских частей. Противник был смят и разбит. Мы захватили две деревни, в которых был расположен лазарет, взяли много пленных, медикаментов, но вынуждены были отступить, так как основные силы противника перешли вновь в наступление.

На этом дальнейшее наступление замерло, и наши части закрепились здесь так же, как на железной дороге.

Было решено, ввиду малого количества сил, не наступать на широком фронте, а демонстрируя на том или ином участке, наносить англичанам и американцам, по возможности, чувствительные удары в таких местах, которые дальше от железной дороги, так как там иностранные войска не чувствовали себя уверенными. Действий на Северной Двине в сентябре не было. В ноябре, в день первой годовщины Октябрьской революции, Реввоенсовет решил провести его с передовыми частями на боевом участке и ознаменовать этот день наступлением на противника. Удар было решено наносить в районе Кадыша, по дороге Плесецкая — Емецкое. Там был сосредоточен полк 1-го городского района и Рязанский батальон. Нашими частями в этом районе командовал тов. Филипповский.

Когда Реввоенсовет прибыл в расположение полка, то увидел, что общая подготовка наступления велась недостаточно толково. На главном направлении, которое было хорошо укреплено блокгаузами, действовал один батальон. Два батальона были направлены в обход по лесным тропинкам и, конечно, заблудились, и только счастливый случай помог им ночью во время переполюха не перестрелять друг друга. К моменту приезда Реввоенсовета было донесено, что посланные в обход части возвращаются, потеряв надежду найти противника, а голод и дождь мешают им искать его. Наутро было решено снова начать наступление, которое пришлось вести в очень трудных условиях. Наступающим пришлось идти по дороге, проложенной через болото. Наступающие шли по открытому месту, в то время как противник был расположен на пригорке, на опушке леса, около моста, по обеим сторонам которого в глубине леса были построены два блокгауза с тремя пулеметными гнездами каждый. Первая атака была отбита, и наши отошли, оставив на дороге пулеметы. Дело спасла находчивость пулеметчика тов. Хлебникова, который, потрясая кулаками и изрыгая ругательства по адресу англичан, несмотря на отчаянный огонь с их стороны, подбежал к пулеметам и... начал стрелять из одного из них. У него была прострелена фуражка и рукав шинели в двух местах, но сам он остался цел и невредим. Его подвиг произвел сильное впе-

чатление на наши части и поразила своей дерзостью англичан, которые на время прекратили стрельбу. Тогда наши перешли в наступление, воспользовавшись этой заминкой, захватили блокаузы и затем на плечах отступающего противника ворвались в дер. Кадыш и заняли ее.

Мелкие стычки происходили во многих местах с переменным успехом и создавали в наших частях уверенность, показывая, что, несмотря на свою техническую слабость, мы можем бить англичан и американцев.

После того как войска натренировались в этих мелких стычках и столкновениях, после того как от отрядной системы перешли к полкам, бригадам и дивизиям и было налажено правильно функционирующее снабжение, можно было начать более сложные и серьезные операции.

6-я армия в те времена была подчинена Северному фронту, во главе которого стоял бывший генерал Парский. Последний, по распоряжению штаба главкома, приехал в армию с тем, чтобы понудить ее к решительному наступлению на Архангельск, указывая, что целесообразнее всего действовать по железной дороге со стороны Плесецкой. На месте ему указали, что такой метод в данном случае нецелесообразен, ибо на Плесецкую ведут несколько дорог, и если мы будем двигаться от Плесецкой, то будем наступать растопыренными пальцами, а быть сильными на всех четырех направлениях, ведущих к Плесецкой и от нее, мы не можем. Одержав успех на главном направлении — железнодорожном, мы можем получить удар или со стороны Чекуева, или со стороны Емецкого, или со стороны Тарасовского, и ввиду давления на тыл успех наш будет ликвидирован сам собой. Кроме того, направление вдоль железной дороги, самое близкое по расстоянию от Архангельска, противником укреплено чрезвычайно сильно и, представляя собой узкий коридор внутри лесного массива и болотистых пространств, негодно для маневра.

Было указано, что иногда более близкое расстояние на деле будет более далеким. Нам нужно, по мнению Реввоенсовета, наступать на одну точку, исходя из нескольких и предоставляя противнику гадать, на каком направлении наносится главный удар. Если посмотреть на очертание фронта, то оно представляло из себя в районе Шенкурска большой клин, врезавшийся в наше расположение. Поэтому начать нужно с того, чтобы уничтожить этот клин и сначала выровнять фронт, а затем, последовательно нанося удары в районе Северной Двины и Пинеги, действовать на ст. Обозерскую справа, а из района Чекуева слева, чтобы таким образом из района Больших Озерков и Емецкого грозить захватом Обо-

зерской и вынудить противника очистить хорошо укрепленную железнодорожную позицию.

Очертания фронта были таковы, что на Северной Двине мы стояли на $62,5^\circ$ сев. широты, на ж. д. — $63,2^\circ$, а на реке Ваге позиции противника находились на $61,8^\circ$ сев. широты. Вся территория от железной дороги до Ваги ниже линии фронта представляла лесистое и болотистое пространство, трудно проходимое и почти лишенное дорог. Имелись только две удобные для операций дороги: от станции Плесецкой через Кадыш к Емецкому на Северной Двине и от ст. Няндомы к Шенкурску.

Если взять треугольник Тургасово (река Онега) — Кадыш (река Емца) — ст. Плесецкая, ограниченный р. Онегой и дорогой Плесецкая — Кадыш, то боевые действия можно вести здесь только по дорогам и по реке Онеге, и больше нигде. Чтобы подойти к с. Тарасовскому и Средь-Махренье, в случае потери ст. Плесецкой, надо было бы двигаться от ст. Няндомы на Шенкурск и от Шенкурска уже проселками идти к этим деревням.

К концу 1918 года мы закончили организационный период, и все наши части свели в одну 18-ю дивизию, во главе которой стоял тов. Уборевич. Две бригады этой дивизии находились на участке вблизи жел. дороги со штабом дивизии на ст. Плесецкой, а третья бригада, имея штаб в Красноборске, была разбросана своими полками на реках Ваге, Северной Двине, Пинеге, Мезени, Вакше, Печоре. Реввоенсовет армии, после совместного обсуждения с начдивом-18 Уборевичем и командиром 3-й бригады 18-й дивизии Лисовским, решил: закрепившись как следует в районе железной дороги и на Северной Двине, снять оттуда лишние части, без которых может обойтись оборона, свести их в отряды и ударить на Шенкурск.

ШЕНКУРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

План операции был разработан следующий.

Первый отряд в составе трех батальонов — Нарвского, Гатчинского и Рязанского (около 900 штыков) — при двух 3-дюймовых и 4 горных орудиях и взводе кавалерии в 30 сабель, эскадрона Вологодской губЧК под командой тов. Раудмеца должен двинуться со ст. Няндомы на Шенкурск.

Второй отряд в составе Железного батальона и 7-го инженерного отряда (около 600 штыков), при одной шестидюймовой, одной трехдюймовой и двух горных пушках, с 18 всадниками под командой тов. Солодухина должен был двинуться из Красноборска через Кодему также на Шенкурск.

Третий отряд, уже стоявший на Ваге, в составе морского экспедиционного отряда (300 штыков) и 161-го Северного полка (900 штыков), главным образом из крестьян Шенкурского уезда, при 6 тяжелых и 8 легких орудиях должен был взять позиции противника на р. Ваге и двинуться также на Шенкурск под командой тов. Филипповского.

Наконец, в момент, когда противник ввяжется в бой со всеми тремя отрядами, было приказано партизанскому отряду, выйдя из дер. Петропавловское на Северной Двине, занять с налету село Шеговары в 40 километрах к северу от Шенкурска.

Подготовка операции началась в декабре, с тем чтобы 12 января предназначенные для Шенкурской операции отряды двинулись по указанным направлениям и чтобы 25 января в 24 часа были заняты исходные позиции перед Шенкурском для общей его атаки, момент которой должно было назначить командование армии.

Со стороны Няндомы и со стороны Красноборска были посланы небольшие партизанские отряды из местных крестьян, до 150 человек каждый, которым была поставлена задача,— базируясь на село Никольское и на Кодему, беспокоить противника, подходя почти к самому Шенкурску, и служить завесой от противника, который, как мы знали от агентурной разведки, произвел рекогносцировку местности километров за 50 от Шенкурска к юго-западу и юго-востоку и вынес решение, что «тут не только пушек, но и кухню не удастся провезти».

Эти отряды должны были одновременно служить завесой, за которой в населенные пункты свозилось продовольствие и фураж, теплые вещи, намечались пункты для лазаретов со всеми необходимыми медикаментами на случай обмороживания.

Артиллеристам была поставлена задача — приладить орудия на санный ход и научиться быстро ставить их на позиции. Было достигнуто, что в течение получаса 6 орудий левой и 3 орудия правой групп были готовы открыть стрельбу. Правый отряд, шедший по еще менее населенной местности, чем левый, и имевший шестидюймовую пушку, которую даже на санном ходу было трудно везти ввиду глубокого снежного покрова (глубина около полутора — двух аршин), приспособил особого типа снегорез, иногда употребляемый крестьянами Архангельской губернии. Был сооружен треугольник из досок и бревен, на дно которого были положены камни, впряжено 10 лошадей, и, таким образом, отряд двинулся за снегорезом уже по обмятой и очищенной от снега дороге. Правому отряду во время его похода пришлось три раза ночевать под

открытым небом, обогреваясь у костров при 30° (и более), мороза.

Противник, имевший в Шенкурске и на позиции южнее Шенкурска общую численность около 3000 штыков при 30 орудиях различного калибра, был уверен в своей силе*. Подступы к Шенкурску по р. Ваге защищались тремя укрепленными позициями, трудно атакуемыми благодаря их господствующему положению и прекрасному инженерному оборудованию. Сам Шенкурск, стоящий на правом берегу Ваги, был обнесен тремя рядами проволочного ограждения, 16 блокгаузами, от 3 до 5 пулеметных гнезд в каждом, и, помимо движущейся артиллерии, имел на берегу морское орудие 120-миллиметрового калибра на бетонной установке.

Имея такой гарнизон и прекрасно укрепленные позиции, противник чувствовал себя в безопасности и, кроме того, как уже указывалось выше, был убежден в непроходимости подступов.

В назначенный срок войска двинулись по намеченным направлениям, и Важский отряд, чтобы отвлечь внимание, начал атаку позиций противника в районе Усть-Паденской. Когда противник почувствовал в районе Кодемы и с. Никольского наши части, он выслал пластунский отряд и две роты Шенкурского батальона в направлении на Гарнянский погост, полк мобилизованных, как и две роты Шенкурского батальона,— в направлении на Кодему. Наши части повели наступление. На важском направлении в 20-х числах января велись пока безрезультатные, но ожесточенные атаки на укрепленные позиции противника.

Правый отряд встретил противника на полдороге между Кодемой и Шенкурском, закрепился перед фронтом врага Железным батальоном при двух легких орудиях, а 7-й инженерный отряд вместе с шестидюймовым орудием прошел в обход по лесным просекам и через сутки вышел во фланг противнику, обстреляв его из тяжелого орудия. Часть мобилизованных сдалась — 300 человек, а остальные отступили к дер. Сергиевской, у которой снова был произведен 22-го такой же маневр. 23-го наши вели бой у дер. Зехавка и 25-го заняли дер. Афанасьевскую. Противник отступил в Шенкурск. Левому отряду после боя накоротке по выходе из леса между Верхне-Паденским погостом и Гарнянским, удалось выбить противника из деревень Гарнянского общества

* Состав войск противника: батальон 339-го пехотного американского полка в составе четырех рот, по 240 штыков каждая, при 32 пулеметах и 36 автоматах, Шенкурский батальон из местных крестьян, шесть рот — 800 штыков, пластунский отряд в 85 чел. и полк, сформированный из мобилизованных — около 1200 штыков.

23 января. Продвигаясь с боем далее по направлению к Шенкурску, левый отряд 25-го вечером, в 20 часов, своими передовыми частями занял дер. Ивановскую, в 5 км от Шенкурска. Определившийся 23-го нажим наших частей на двух направлениях к Шенкурску помог Важскому отряду после упорного боя сбить противника на позициях Усть-Паденги и дальше, занять обе следующие укрепленные позиции после коротких боев и к вечеру 25-го занять дер. Скрыбинскую в 5 км от Шенкурска.

Таким образом, к 24 часам 25 января все три отряда заняли исходное положение для атаки на Шенкурск, успев подтянуть две трети своих сил и орудий.

25-го к вечеру партизанский отряд со стороны Петропавловского сделал налет на Шеговары и перерезал провода. Противник, имевший в Шенкурске до 20 орудий, не решился защищать Шенкурск и ночью отступил, так что в 6 часов утра разведка от всех трех отрядов нашла Шенкурск эвакуированным, и к 9 часам все три отряда вступили в город. В течение первого дня преследования противника не было, что дало ему возможность укрепиться в 60 км к северу от Шенкурска. Завязавшиеся через 5 дней бои впереди Кицки успеха не имели. Нам удалось ворваться в линию блокгаузов, выстроенных противником вниз по Ваге, и даже занять некоторые из них, но контратаками противник нас выгнал оттуда и удержался в Кицки, против которого нами были предприняты 5 атак, но все безрезультатно. Обстановка потребовала возврата частей на свои участки, и боевые действия в районе Шенкурска приостановились.

В период с 20 по 25 января боевые действия протекали при 37 градусах мороза. Чтобы сделать незаметным подход наших частей к позициям противника, ввиду отсутствия белых халатов атакующим отрядам было приказано снять полушубки, в которые все были одеты, и надеть на себя ватные штаны и ватные фуфайки, поверх которых надеть белые рубахи и кальсоны. Такая маскировка позволила подходить незамеченными на 50—20 шагов к позициям противника и неожиданно бросаться в атаку.

Сзади войск, в одном переходе от них, ехал казначей, который удовлетворял справедливые претензии населения. Особых недоразумений не могло произойти, так как заранее в населенные пункты было привезено продовольствие, мука была роздана крестьянам для выпечки хлеба, фураж был также запасен, и, таким образом, пришлось оплатить только подводы и отдельные случаи, когда та или иная войсковая часть, вернее, отдельные лица, нарушали интересы крестьян.

Таким образом, операция, тщательно продуманная и про-

веденная, а также хорошо подготовленная как в материальном, так и в политическом отношении, имела успех. Противник был отброшен на 90 км. Захвачено 15 орудий, около 2 тысяч винтовок, 60 пулеметов, 5 тысяч снарядов, 3 миллиона патронов, обмундирование на 3000 человек, запас продовольствия в расчете на 5000 человек на 4 месяца.

Живая сила противника ушла, и операция, хотя и имевшая большой успех и большое значение для всего Северного фронта, заставившая также обеспокоиться правительства Англии и Франции (были запросы в парламентах об этом эпизоде), все же была не завершена, и результатов, на которые рассчитывал Реввоенсовет, т. е. выхода к Березнику, достигнуть не удалось.

Причинами этого были следующие обстоятельства: 1) Общее управление операцией находилось в руках армейского командования и производилось из Вологды. Постоянный провод имелся только у Важского отряда. Отряды, шедшие из Красноборска и с Няндомы, тянули за собой провод, и хотя могли говорить по телеграфу на аппарате Морзе, но связь часто прерывалась и окончательно порвалась, когда отряды были в 30 км от Шенкурска. 2) Все три командовавших отрядами начальника — один перед другим — стремились попасть в Шенкурск, и, несмотря на ряд указаний находившегося при левом отряде члена Реввоенсовета о том, что левому отряду надо двигаться основной массой не на Шенкурск, а по дороге: Гарнянский погост — Фоминская-Федьковская — Ямско-Горский погост — в тыл Шенкурска, начальник этого отряда тов. Раудмец направил туда роту Рязанского батальона, а остальными силами пошел на Шенкурск, выполняя приказ, данный ему 10 января. 3) Правый отряд Солодухина, занявший Афанасьевскую и поставивший на позиции свои орудия, утомленный трудными походами и тяжелыми боевыми действиями, пропустил, не атаковав и не обстреляв, противника, прошедшего в 3 км от него через деревню Васильевск. 4) Общая, после трудного 12-дневного похода в сильный мороз, усталость войск, живших до сего времени впроголодь в окопах, среди болот и лесов и попавших наконец в город, на хорошие хлеба, затрудняла их быстрое выдвижение.

Дальнейшее выдвижение было бы, впрочем, не столь затруднено, если бы не трения среди руководящего командного состава и если бы строевая подготовка частей была несколько лучше. В целом Шенкурская операция была удачна, но тактически она была не завершена, так как противник увел всю свою живую силу. Причина этого — недостаточная обученность войск и слабая подготовка командного состава. Через месяц эти войска, переброшенные обратно на свои участки,

сделали новый поход в не менее трудных условиях и опять побили противника.

Вскоре после Шенкурской операции было приказано из Вашингтона — не доводить американских войск до открытых военных действий, так как они-де назначаются исключительно для охраны складов продовольствия, посланного американским правительством населению северной России. Про Шенкурскую операцию в статье 21-й доклада английскому парламенту говорится: «Мощные атаки под хорошим руководством повели к очищению Шенкурска».

Шенкурская операция показала, что, несмотря на некоторые недочеты, войска наши умеют прекрасно маневрировать. Через несколько месяцев умелым маневром, не повторив шенкурских ошибок, наши части повели наступление на занятый противником район дер. Выставки и погоста Кицки и с боем продвинулись до р. Ваги и вниз по течению Северной Двины.

В марте был намечен удар на ст. Обозерскую, для чего главным командованием была подброшена бригада из Камышина. К сожалению, она была без теплого обмундирования: не было ни валенок, ни полушубков, а главное — командование торопило с наступлением, не давая возможности подождать прибытия теплых вещей. Членом Реввоенсовета была послана в Наркомвоен следующая телеграмма:

«Вологда, 13 марта. Не входя в обсуждение приказа главкома к 23 марта завершить операцию овладения Архангельском и удостоверяя, что принимаются все меры к исполнению приказа,— считаю долгом донести, что, даже без боев, для достижения намеченной цели понадобится больше времени, и, кроме того, еще не все части, предназначенные нам на усиление, прибыли, а некоторые придут не ранее 15 марта. Снова подтверждаю, что все меры и все силы будут напряжены к исполнению приказа. Докладываю, что по условиям всей обстановки завершить операцию к предписанному сроку не удастся».

Жесткий срок был отменен, но операция успеха не имела, так как пришедшие с юга части, попав в 20-градусные морозы, потеряли обмороженными более 500 человек. В этой операции интересно движение отряда из двух полков с батареей 42-линейных пушек, который двинулся на Большие Озерки по дороге, не имевшей на всем своем 60-километровом протяжении ни одного дома и очень мало мостов. Англичане считали эту дорогу лесной просекой и, хотя она шла километрах в 20 параллельно железной дороге, мало наблюдали за ней. Наши части незаметно прошли до дер. Большие Озерки, после однодневного боя захватили ее, предварительно пе

перезав провода, соединявшие Большие Озерки со ст. Обозерской. Утомленные трехсуточным переходом с ночлегами под открытым небом, части не могли сразу двинуться дальше. И здесь характерен маленький эпизод. На третий день после занятия Больших Озерков не хватило продовольствия; в то время как старый северный полк сидел довольно спокойно в ожидании его прибытия, вновь прибывший с юга полк начал митинговать, но, видя полное спокойствие и выдержку со стороны северян, прекратил свой митинг и успокоился.

Когда наступающие полки отдохнули, то к моменту перехода их в наступление на Обозерскую англичане сумели на каждом километре, на протяжении 12 км, построить по 2 блокгауза и прекрасно укрепить дорогу. Двигаться не по дороге было нельзя: лежал глубокий, полуторааршинный снег, а кругом — густой лес. Время было весеннее, предстояла оттепель, ледяной покров мог не сегодня-завтра начать таять; надо было торопиться вывести людей и орудия обратно. По лесной тропе вправо от железной дороги был послан отряд в сто человек с ручными пулеметами, который вышел к востоку от ст. Обозерской в девяти километрах и захватил сторожевые посты. Англичане, думая, что наступление начнется с востока, главное внимание обратили на защиту ст. Обозерской с этой стороны, перейдя к пассивной обороне на западе. В два перехода войска были выведены из Больших Озерков, орудия спасены, в то время как два небольших отряда, по 100 человек каждый, беспокоили англичан на позициях с востока и запада от Обозерской.

Здесь был захвачен капеллан одного из английских полков, который был доставлен в штаб дивизии. Священник был очень взволнован и уверен, что его повесят. К его удивлению, по приказанию члена Реввоенсовета из Вологды, тов. Уборевич отпустил его на все четыре стороны. Когда он получил радостную весть о своем освобождении, то встал на колени, помолился богу и сказал: «Всегда буду молить бога за добрых большевиков».

Как потом выяснилось, его не долго продержали в Архангельске и, как вредного агитатора, отправили в Англию. Был еще характерный эпизод с взятым в плен английским капитаном Вильсоном. Этот офицер был также убежден, что его повесят, и первое знакомство его с красными войсками не особенно разубеждало в этом. Капитан Вильсон был радиотелеграфист и объезжал станции. Не зная, что Большие Озерки взяты, он въехал туда и попал в руки наших войск. Красноармейцы Камышинской бригады, не проникнутые традициями Северного фронта, сняли с него хорошее обмунди-

рование и нарядили в рваное красноармейское одеяние. Затем он был доставлен пешком в штаб дивизии и отсюда переправлен в штаб армии, где из запасов, захваченных в Шенкурске, ему выдали офицерское английское обмундирование, снабдили хорошим английским табаком, хорошо накормили английскими же продуктами и, допросив, отправили в Москву. Там уже находилось достаточное количество английских и американских пленных, которые жили на свободе, ходили по театрам и чувствовали себя прекрасно.

Вскоре после нашей неудавшейся операции у Больших Озерков английское командование потеряло уверенность в том, что войска будут действовать без отказа, особенно после того, как стало известно о безусловном запрещении со стороны американского правительства посылать американские войска на боевую линию. Было решено произвести обмен пленными. Первое предложение исходило от англичан. Член Реввоенсовета, находившийся в штабе 18-й дивизии, донес об этом в Вологду и Москву и до получения ответа вышел к английским парламентарам сообщить, что переговоры об обмене пленными он без указаний со стороны своего правительства вести не может. Одновременно им было передано старшему из парламентаров, американскому полковнику (для других были французский и английский капитаны), письмо генералу Айронсайду, в котором предлагалось прекратить боевые действия и, повесив царских генералов Морушевского, Миллера и капитана 2 ранга Чаплина, уйти восвояси. Получив это письмо, генерал Айронсайд прекратил всякие переговоры. Было решено все-таки продолжить эти переговоры, для чего отпустить в Архангельск на три дня, под честное слово, присланного для обмена из Москвы капитана Вильсона.

Некоторые возражали против целесообразности этого поступка, считая, что капитан Вильсон может многое рассказать. Но восторжествовало другое мнение, суть которого была в следующем. Русского языка капитан Вильсон не знает. Его убеждали в том, что мы звери, что мы уничтожаем английских офицеров. Он сам на себе испытал самое человеческое обращение с пленными. Это — первое. Ему говорили, что у нас поезда не ходят, железные дороги представляют собой что-то невероятное. Он ездил в поездах, в которых имеются международные вагоны, со скоростью 40 верст в час. Это — второе, что опровергает злостные слухи о нас. Он видел из окна вагона на вокзалах, на станциях, вообще всюду огромное количество мужчин и женщин, одетых в солдатские шинели. На деле это были мешочники, ездившие за продовольствием. Сопровождавшие его рассказывали ему, что вся стра-

на возмущена английской интервенцией и все население поступило в армию, чтобы гнать англичан. Это — третье. Находясь в Архангельске, он будет живым опровержением всех рассказов про нас. Он сам охотно будет рассказывать о том, что дело обстоит далеко не так, как его рисуют белогвардейцы и высшее командование. Принятый Айронсайдом, он внесет маленькую капельку сомнения в душу этого матерого колониального волка. Подрыв уверенности офицерского состава в своем праве вести войну с нами будет значительно больше, а в среду солдат его прибытие, о котором будет им известно, безусловно внесет сильный разлад и посеет нежелание воевать. А так как одновременно с этим на разных участках без всякого требования обмена нами посылались по 2—3 рядовых бойца из пленных англичан или американцев, начиненных прокламациями и воззваниями, то можно было рассчитывать, что среди всего состава английских войск, кроме, может быть, генерала Айронсайда, появится решительное нежелание вести войну.

Капитан Вильсон через три дня, согласно обещанию, вернулся к нам и потом был отпущен вместе с американцами через Финляндию. Месяца через три началась эвакуация иностранных войск.

Придется пройти мимо целого ряда боевых эпизодов, в которых выявилась доблесть войск 6-й армии как в периоды удачных наших действий, так — что еще важнее — в период, когда нам наносились поражения, а противник имел успех. Особенно был трудный момент осенью 1919 г., когда противник, состоявший уже исключительно из русских белогвардейцев, под умелым руководством полковника генерального штаба Костанди, нанес нам поражение в районе железной дороги и захватил станцию Плесецкую, на что мы ответили захватом устья Ваги и продвижением вниз по Северной Двине до Березника. В это же время партизанские отряды противника под командой капитана Орлова потеснили наши части в верховьях рек Пинеги, Мезени, Печоры и захватили Яренск и Усть-Сысольск на реке Вычегде. Противник так обрадовался, что выпустил прокламацию-карту, в которой хвастался своими успехами, указав, что за время с 1 августа по 1 декабря 1919 г. он захватил 400 тыс. квадратных километров и что красные разбиты. Но этот успех в районе правого фланга нашей армии был довольно быстро и легко ликвидирован, а сам капитан Орлов был в одном из боев убит.

Наша армия готовилась к решительному наступлению на Архангельск и Мурманск. И в скором времени противник мог убедиться, насколько была преждевременной его радость. Он писал: «Красная армия распадается, 481-й и 483-й большеви-

стские полки разбежались по лесам...», а через два месяца эти самые полки, совершив зимой переход в тысячу километров из Усть-Сысольска в район Емецкого, били противника и вошли в Архангельск.

«Гражданская война 1918—1921». В трех томах. Под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Т. 1, М., изд-во «Военный вестник», 1928, стр. 205—230.